

Сохранение памяти о жертвах политических репрессий и геноцида средствами школьного музея

Легенда о первом директоре

В школе существует легенда о первом директоре. Им был Васильев Михаил Петрович. Он стоял у истоков и даже жил в школе. Считается, что дух первого директора до тех пор будет жить в школе, пока мы не узнаем о его судьбе. Известно на данный момент очень мало. Его фамилия, в отличие от других работников, перестала появляться в школьных документах без объяснения причин (приказ о переводе на другое место работы и др.).

Поиск в Книге памяти Ярославской области, в списках репрессированных ничего не дал. Только короткая фраза выпускницы школы 1939 г. направила поиск. Она рассказала, что запомнила директора сорокалетним с лежащими темными волнами волосами. Ходил слух, что его арестовали за то, что принял на работу учителя немецкого языка этнического немца.

Таким образом, история школы начинается с темы репрессий. Легенда о первом директоре звучит на экскурсии по экспозиции школьного музея в разделе истории школы и периоде Великой Отечественной войны, а также является частью пешеходной экскурсии «Тугова гора: история и современность».

Строительство Рыбинского водохранилища

Другое соприкосновение с трудной для разговора темой политических репрессий происходит, когда речь идет о причине постройки школы – это рост населения района за счет переселенцев из затопляемых земель, в том числе, г. Мологи при строительстве Рыбинского водохранилища. Здесь речь идет о связи истории маленькой железнодорожной ярославской школы с историей края и историей страны. С одной стороны, это рост населения района и потребность в новой школе. Переселенцы разбирали свои деревянные дома, грузили их на баржи и искали себе новое место жительства в городах, стоящих на берегу Волги. Потеря малой Родины – это болезненный процесс. Жители Мологи до сих пор собираются вместе, вспоминая свой затопленный город. Существует музей Мологского края. С другой стороны, в условиях тоталитарного режима недопустимо было противостоять, возражать созданию водохранилища, несмотря на прогнозируемые уже тогда экологические проблемы. Одной из целей стройки было обеспечение электроэнергией Москвы и Подмосковья в случае войны. Любые возражения расценивались как сопротивление политике партии и правительства и жестоко карались. Стремилась уничтожить память о репрессированных, наказывались не только сами виновники, но и их родственники и знакомые.

Примером может служить история семьи, проживавшей в Рыбинске, где мать-руководитель проголосовала против строительства водохранилища. Она не успела придти домой, была арестована по пути. Двоих детей (сестер) воспитывала бабушка. Семью выселили из квартиры. Они жили в подъезде под лестницей. Весь их быт был на виду и контролировался. Как только в семье появлялась

вторая смена одежды у кого-то из детей, то она тут же пропадала. К детям врага народа в школе относились настороженно, старались не общаться. К сожалению, нельзя назвать имена действующих лиц этой истории, рассказана она была в неофициальной обстановке родственником репрессированной семьи.

Новомученики священник Николай Брянцев и Николай Розов

Третий раз тема политических репрессий звучит на экскурсии «Тугова гора: история и современность», когда экскурсанты поднимаются к кладбищу и церкви Параскевы Пятницы. Тугова гора славится не только легендой о битве ярославской дружины с монголо-татарами. Трагические события произошли там во время белогвардейского мятежа 1918 г. в Ярославле. Отряды красных вооруженные артиллерией, стремились проникнуть на колокольню церкви, чтобы обстреливать белых, занявших центр города, более прицельно. Священник церкви Николай Брянцев пытался воспрепятствовать этому, так как церковь – это место мира, а не войны, место защиты в опасности, последнего прибежища. Поступок священника вызвал ярость у красных. Священник был зверски расстрелян, засыпан землей еще живым, солдаты осквернили могилу. Позже Николай Брянцев был причислен к лику святых.

Другой священник Николай Розов так же связан в Туговой горой. Служил он не в Пятницкой церкви, но связан с ней и похоронен на Туговой горе. Он был арестован за то, что был на общей фотографии с уже репрессированными священниками. Был осужден за организацию контрреволюционной работы, организацию помощи находящимся в заключении на три года исправительных работ в трудовом лагере. Николай Розов отличался слабым здоровьем, поэтому был переведен на работы в канцелярию, очень старательно трудился и был освобожден досрочно. Священник был лишен права находиться в Ярославле и жил у брата-священника. Он был тяжело болен, но приезжал в Ярославль к семье, скрываясь в неотопливаемом доме у церкви. Только тяжелобольному священнику, находившемуся на четвертой стадии болезни, было разрешено возвратиться в Ярославль. Он похоронен на Туговой горе.

Матушка Галина Денисова занималась изучением и поисковой работой по данным темам. Она создала музей воскресной школы, где хранятся личные вещи священников. Знакомство с экспозицией музея производило большое впечатление на детей.

Таким образом, пусть эпизодически, дети на одной экскурсии знакомятся с фактами политических репрессий, кругом лиц, подвергавшимся репрессиям. Цель школьного музея рассказать об этом времени, используя эмоциональное воздействие на экскурсантов. В школьном музее в разделе экспозиции «История школы» есть часть, посвященная выпускникам школы священникам.

Работа с интервью и родословными

Первой исследовательской работой, которая неявно затрагивала вопрос репрессий против советских евреев, была родословная «Холокост в моей семье». Дед автора работы, еврей по национальности, женившись, сменил фамилию. С одной стороны, евреи не подвергались репрессиям по национальному признаку в России, с другой было выведение их из состава государственного аппарата, а

также ликвидация ряда еврейских организаций. В поиске объяснений поступка родственника, автору нужно было познакомиться со всей историей еврейского вопроса от появления евреев в Европе до Холокоста. С этого момента в музее стал традиционным разговор о межнациональных отношениях, репрессированных народах, о толерантности. Неоднократно использовалась передвижная выставка «Желтый чемоданчик», составленная по голландской методике. Прямо она не поднимает вопрос репрессий, но косвенно затрагивает группы населения, попавшие под репрессии, работает со шлейфом предрассудков. Кроме того, политика геноцида проходит этап политических репрессий. Поэтому есть много общего в методике работы над этими сложными вопросами, например в рассмотрении поведения палачей, жертв, наблюдателей, праведников. В результате этого исследования завязалась прочная дружба с Еврейским культурным центром. В дальнейшем, в родословных были отражены темы геноцида армян в Турции, гражданской войны в Таджикистане. Эти материалы используются на уроках, дают возможность понять, как оказались в Ярославле представители той или иной национальности, разрушают предрассудки, сложившиеся в обществе.

Яркие факты содержатся в интервью, прежде всего взрослых посетителей музея. Имеется несколько примеров, когда работники школы, родители, бывшие коллеги занимались родословными исследованиями для своей семьи и оставляли в музее, обогащая его фонды. Такие тексты можно использовать для анализа, отвечая на вопросы о том, кто подвергался репрессиям и за что, каковы были условия жизни и работы в местах заключения, какие черты характера нужны были, чтобы выжить, какие трудности переживали люди после освобождения, каковы были последствия пережитого. Один из текстов приведен в приложении (см. Приложение 1).

Еще один пласт в работе над темой репрессий – это судьбы детей. Интервью содержат разные факты в зависимости от того, где и в какой жизненной ситуации находился ребенок, в какой семье рос. Например, рассказывая о своем военном детстве, один из учителей упомянул о факте поступления в художественную школу при Ярославском художественном училище. Среди рисунков для просмотра был портрет И.В.Сталина. Преподаватель внимательно посмотрел работы, наклонился и тихонько сказал, что этот рисунок надо спрятать, а еще лучше сжечь, чтобы никто не видел.

Другой же родитель рассказывал о том, что он вырос в поселении для репрессированных, где жили его родители. Территория была окружена колючей проволокой и рвом. Подплыть к противоположному берегу рва было невозможно, охрана стреляла даже в детей. Это, безусловно, повлияло на его развитие, формирование личностных качеств. Правила в месте отсутствия свободы оказались примером для подражания, что создало трудности в общении с окружающими, в семье.

Экскурсионные поездки в Калмыкию, Волгоград

Экскурсионная работа является частью работы школьного музея. При посещении «Музея г. Ярославля» обязательно обращается внимание на

«Памятник землякам – жертвам войн и репрессий XX столетия», если дети посещали Рыбинск, то в программе был «Музей Мологского края». В недавние времена активисты музея много путешествовали по России. Ставились цели погружения в культуру народов России на месте их проживания. Наибольшее впечатление произвели экскурсионные поездки в Калмыкию и Волгоград, где история репрессированных народов является неотъемлемой частью программы. Передать эмоции от увиденного трудно, организовать поездку в данный момент невозможно. Поэтому школьным музеем совместно с Республиканским центром детско-юношеского туризма и краеведения республики Калмыкия, Центром «Холокост» г. Москва, Музеем-заповедником «Старая Сарепта» г. Волгоград, Музеем истории Гулага г. Москва организована конференция «О преподавании трудных вопросов истории», которая пройдет в ноябре 2020 г.

Приложение 1

«...Переехали на Перекоп еще до революции, когда фабрика называлась Мануфактура Корзинкина. Отец работал уборщиком с 9 лет. Затем отец работал в чесальном цехе, одновременно учился и дослужился до замдиректора фабрики. Но работал в этой должности недолго.

Когда работал на фабрике, окончил с отличием техникум легкой промышленности заочно на Перекопе. Его назначили директором школы ФЗО (фабрично-заводского обучения). Потом жизнь его повернулась по-другому. На партийном собрании он сказал, что обучающихся плохо кормят. Это был 1935-36 год. Он не успел дойти до дома, его встретили работники НКВД. Сделали обыск, нашли томик Есенина. После суда ему дали срок 2 года лагеря на Колыме по 58 статье «враг народа».

Жизнь в лагере была очень тяжелой. Работали на рудниках. Зимой были страшные морозы. Питание было плохое, от тяжелой работы и плохого питания умирало много людей. Была цинга. Иной раз с работы в лагерь, на конторе видели расстрельный список. Все со страхом смотрели в этот список, боясь увидеть там свою фамилию. Так заключенных становилось меньше. Там же сидели уголовники. Между ними была поножовщина, игра в карты на людей и человеческую жизнь. Однажды отец не спал ночью из-за нарыва на руке. Качал ее как ребенка. Сидел он у буржуйки недалеко от входа в барак. В барак вошел заключенный, увидел его и приложил палец к губам: «Молчи». Отец не придавал этому большого значения тогда, был отвлечен своей болью. Утром, когда все встали, один заключенный не проснулся, он был ночью зарезан ночным гостем уголовником.

На работу ходили строем. Там много было преподавателей из нашего пединститута, из есенинского кружка. Этапом заключенных гнали через Ярославль. Собирали в Ярославле. Потому отцу за томик Есенина увеличили срок. Есенин тогда был запрещен. Жили в бараках. Очень сложно было зимой. Сыро, грязно, просушить одежду было негде.

Только когда стал работать вольнонаемным, стало легче. Отец работал зав. конюшней. В памяти осталось воспоминание, как они ходили на реку, смотрели, как медведь рыбу ловит. Он ловко забирался в реку, лапой выхватывал рыбину из

воды, выбрасывал на берег. Выходил сам, приминал свой улов. Наедался сам, а остальную рыбу прятал в ямку. Потом приходил, доедал. Люди заметили, что медведи любили чуть протухшую рыбу.

Вместо 2 лет отец провел в лагере 4 с лишком. Было невозможно оттуда выехать. Лагерь находился за сопками, выехать оттуда можно было только тогда, когда прибывали новые заключенные со следующим этапом. Он, когда его срок закончился, дожидался и работал вольнонаемным в организации «Дальстрой». Один раз, когда приехал этап, у него болела рука, она нарывала, была флегмона. Он пошел в медпункт на перевязку. В это время машина с освободившимися заключенными уехала, и он остался до следующего раза. А машина эта разбилась. Все, кто уехал на ней, разбились. Был сильный туман, и она свалилась в обрыв.

У отца болела рука, у него был нарыв, флегмона. Ему хотели делать операцию по ампутации руки. В лагере была врач, и она предлагала ему такую операцию. Еще там работала санитарка, которая потихоньку шепотом советовала отказаться от операции и предлагала свое лечение. Она помогла ему, делала промывания, что-то привязывала к руке. Благодаря ей, отец остался с правой рукой. И вслух нельзя было об этом говорить. На руке остались нерабочими 2 пальца, они всегда были в согнутом состоянии, вероятно, были повреждены сухожилия. Из-за руки отца не взяли на фронт. Он не мог стрелять.

Он смог доехать до Магадана, а там был еще случай, когда он не попал на пароход через Охотское море. Пароход тоже затонул. В Магадане пришлось какое-то время работать вольнонаемным до следующего транспорта.

Сохранились документы, что его реабилитировали в 1956 году, а до этого времени он не мог жить в Ярославле, можно было только не ближе 101 км. от города. Он жил на станции Берендеево, на торфоразработках работал главным механиком. Там он познакомился с мамой. Это было во время Великой Отечественной войны. Здоровье у папы было подорвано. Он приехал из мест заключения с язвой желудка и без зубов из-за цинги. Ему в 1948 году делали операцию, удалили $\frac{3}{4}$ желудка. Там я и родилась. Жили родители гражданским браком, на квартире. Все уговаривали маму избавиться от ребенка. Говорили, что муж больной, а еще и ребенок появится. Но я родилась после папиной операции. Папа говорил, что мама молодая и здоровая, что даже если с ним что-то и случится, то мама сможет вырастить ребенка одна. После операции отец прожил еще 30 лет.

В Ярославль родители вернулись после реабилитации отца в 50 гг. Это немного ранее реабилитации. До нее за ним неотступно следили работники НКВД. Часто забирали его в «Серый дом» (Проспект Октября, ранее ул. Гражданская). Мама ждала его ночами.

Суровая жизнь отразилась на отце. Он остался очень аскетичным и суровым человеком. Никогда не рассказывал о лагере, только когда выпьет, немного говорил о деталях. Меня удивляло то, что пережив лагерь, отец никогда не обижался на партию, так и остался верным коммунистом».

Библиографический список

1. Как правильно в школе и дома говорить с детьми о репрессиях [Электронный ресурс] // URL: https://mel.fm/razgovory-s-detmi/5961843-political_repression / (дата обращения: 06.10.2020)
2. Материалы семинара Центра «Холокост»
3. Материалы экскурсионных поездок в Калмыкию (Элиста), Волгоград (Архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»)
4. Суслов, А. Б. Черемных, М.В. Изучение в школе истории сталинских репрессий. – Текст : электронный – Пермь: Центр гражданского образования и прав человека, 2015 [Электронный ресурс] // URL: - <https://minobr.permkrai.ru/files/files/> (дата обращения: 10.10.2020)